УПРАВЛЕНИЕ КОДИФИКАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В ПЕРИОД РЕФОРМ ПЕТРА I (1700-1725 ГГ.)

Тараборин Р.С.

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 66, trs-2008@yandex.ru

УДК 34(470)
ББК 67.3 (2) 51

Цель. В статье рассматриваются попытки систематизации гражданского законодательства Российской империи XVIII в. в период правления императора Петра I.

Методы. Проанализированы и систематизированы нормы гражданского права в период 1700-1725 годов, рассмотрены основные мероприятия по кодификации.

Научная новизна и результаты. Время правления Петра I ознаменовалось активной законодательной деятельностью. Многочисленность актов, возникавшие в судебной и управленческой практике трудности актуализировали очевидную потребность в кодификации законодательства. В рассматриваемый период систематизационные усилия находились между двумя возможными путями решения проблемы: дополнение Соборного уложения законами, отражающими происходящие в стране изменения, или создание нового Уложения.

Ключевые слова: законодательство, кодификация, практика, гражданское право.

MANAGEMENT OF CODIFICATION PROCESSES OF CIVIL LEGISLATION OF RUSSIA AT A TIME OF REFORM OF PETER I (1700-1725)

Taraborin R.S.

Candidate of science, Assistant professor, Head of the theory and history of state and law of the Urals Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, trs-2008@yandex.ru

Purpose. In the article the author considers efforts of systematization of civil legislation of the Russian Empire XVIII century in the period of reigning of Peter I.

Methods. The author analyzed and systemized norms of civil law in the period of 1700-1725, considered main arrangements on codification.

Scientific novelty and results. Period of reigning of Peter I was commemorated by active legislative activity. Multiplicity of acts appeared in judicial and managerial practice actualized evident need in codification of legislation. In the considered period systematized efforts were between two possible ways of the problem solving: addition to Council code of laws reflecting the existing changes in the country or making of a new Council code.

Key words: legislation, codification, practice, civil law.

Правление Петра I ознаменовалось чрезвычайно активной законодательной деятельностью, особенно показательной на фоне его предшественников. Так, за первую четверть XVIII в. (с 1 января 1700 по 25 января 1725, т. е. до смерти Петра I) было издано 2898 указов (в среднем - 116 в год), в то время как за всю вторую половину XVII в. (после принятия Соборного уложения) в общей сложности был издан 1821 указ (в среднем - 36 в год)[5].

Ключевую содержательную проблему законодательной деятельности первого российского императора, на наш взгляд, точно указал Г. Ф. Шершеневич: «...

© Тараборин Р.С., 2014

дело заключалось не только в многочисленности новых узаконений, но в том реформаторском духе, которыми они были проникнуты, малой согласуемости законов новых с законами старыми, московскими»[6, с. 66].

Подобная несогласованность, в первую очередь, негативно отражалась на правоприменительной практике, создавая трудности в реализации преобразовательных планов Петра I, поэтому закономерно, что с первых лет правления им были предприняты усилия по упорядочиванию законодательства. Уже 18 февраля 1700 г. был издан царский указ, предписывавший создание специальной Палаты об Уложении для составления нового Уложения посредством соединения («снесения») Соборного уложения 1649 г. со всеми правовыми актами, изданными после Уложения[5, № 1765]. Деятельность этой Палаты, продолжавшаяся три года, но не приведшая к созданию нового Уложения[2], расценивается историками права как исходная точка отсчёта всего кодификационного процесса XVIII - первой трети XIX вв.[6, с. 68]

Рассмотренная первая попытка осуществить подготовку нового Уложения в рамках деятельности Палаты об Уложении, по мнению М.М. Богословского, прервалась тогда, когда работа была уже близка к своему завершению[1, с. 1370]. В историографии не сложилось, в частности в силу отсутствия необходимых источников, определённого мнения относительно такого исхода событий. Как отмечал ещё первый исследователь архивных материалов о работе Палаты Д. В. Поленов, «какие причины воспрепятствовали обнародованию Новоуложенной Книги - неизвестно»[2, с. 56].

Как представляется, следует обратить внимание на сам принцип работы Палаты об Уложении. Он заключался в том, что, получив подборки новоизданных указов из отдельных приказов, палата затем, по возможности последовательно, «слушала» главы Уложения, дополненные этими указами (всего было проведено три тура таких «чтения»). Из этого можно заключить, что новое Уложение, подготовленное таким образом, повторило бы текст Соборного уложения, дополненный вышедшими после него указами и некоторыми другими решениями власти, что не устраняло наметившиеся за полстолетие расхождения и противоречия законодательства, а лишь суммировало бы их в одном тексте. Вряд ли такой документ облегчил бы правоприменительную практику, что было одной из главных целей, поставленных царём перед новым Уложением. Поэтому допустимо предположить, что именно подобная очевидная непрактичность почти завершённого текста побудила Петра I отказаться от задуманного.

В пользу такой версии свидетельствует и следующая предпринятая Петром I попытка хоть как-то систематизировать законодательство. 15 июня 1714 г. был издан указ «О вершении дел по Уложению, а не по Новоуказным статьям». Из текста указа вытекало, что главной причиной его появления было стремление добиться единообразия судебной практики («суд был всем повсюду равный»), для чего впредь надлежало «всякие дела делать и вершить все по Уложению ... разве тех дел, о которых в Уложении ни мало не помянуто, а учинены на то не на перемену, но в дополнение Уложения новоуказные пункты»[5, № 2828]. Сенату было поручено выделить все такие дополнительные статьи. К 1718 г. было подготовлено десять глав Сводного уложения, но они не были рассмотрены царём.

В 1720 г. последовала следующая попытка Петра I решить остававшийся по-прежнему актуальным вопрос. На этот раз предполагалось разработать новое Уложение посредством использования шведского правового опыта: созданной для этого комиссии из иностранцев и русских чиновников велелось «взять из права эстляндского и лифляндского», а затем внести разработанное для рассмотрения в Сенат[5, № 3626]. Но и эта задача до самой смерти императора выполнена не была.

Г.Ф. Шершеневич считал, что в данном случае речь шла уже о составлении не свода, а кодекса, и причиной предпочтения, отданного зарубежному праву, была невозможность «после той ломки русского быта, которая уже не мирилась со старыми юридическими формами» идти по пути свода. Отсутствие в такой ситуации собственных юристов побудило пригласить иностранных, но сказалось различие русского и шведского права, чрезвычайная трудность их согласования, что, в соединении с частными причинами, привело к конечной неудаче[6, с. 69-70].

Сопоставляя все рассмотренные попытки систематизации законодательства, предпринятые в первой четверти XVIII в., нельзя не заметить, что вплоть до указа 1720 г. основной линией кодификации являлось согласование Соборного уложения с позднее изданными законодательными актами. То, что этого сделать не удалось, косвенно может служить доказательством возникновения на этом пути как содержательных (возрастающее расхождение новых правовых норм петровского правления с соответствующими правовыми нормами Уложения), так и формальных (трудности непротиворечивого вмещения этих новых форм в прежнюю структуру Уложения) проблем.

Обращение к той части законодательства Петра I, которая может быть отнесена к гражданскому, позволяет подтвердить оба этих предположения.

В области вещного и одновременно наследственного права центральное место по-прежнему занимал вопрос о землевладении. Ключевое значение для его решения в петровское правление имел именной указ 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в

движимых и недвижимых имуществах», в юридической литературе известный также как Указ об единонаследии[5, № 2789].

Общепризнанной в дореволюционной и современной историографии содержательной новизной этого указа признавалось фактическое уравнивание статуса вотчины и поместья, поскольку устанавливалось, что «всем недвижимых вещей, то есть родовых, выслуженных и купленных вотчин и поместий, также и дворов, и лавок, не продавать и не закладывать», а надлежит оставлять в роду по определённому порядку наследования. Главным в этом порядке становилась передача владельцем «через духовную» недвижимого имущества, то есть земли, одному из сыновей (или одной из дочерей в случае отсутствия сыновей), остальные дети обоего пола должны были получить в наследство движимое имущество тоже по собственной воле отца или матери. В отсутствие завещания единоличное наследие осуществлялось по старшинству среди детей[5, № 2789].

Как известно, в 1730 г. последнее положение - об единонаследии, - содержавшееся в указе 1714 г., под давлением дворянства было отменено, но правовое равенство вотчины и поместья сохранено.

У появления петровского указа были существенные причины и фискального, и служебного характера, в известной мере он лишь оформлял - в части равенства в распоряжении вотчиной и поместьем - положение, де-факто уже сложившееся во второй половине XVII в.

Однако в контексте развития в обществе гражданско-правовых отношений данный указ, во-первых, стал решительным шагом в сторону признания государством права частной собственности, как для вотчинников, так и для помещиков, что вело к утрачиванию своей силы целым рядом статей XVI-й («О поместных землях») и XVII-й («О вотчинах») глав Уложения; во-вторых, приходил в явное противоречие со структурой Уложения, где правовые отношения, касавшиеся вотчинного и поместного землевладения, распределялись по разным главам. Кстати говоря, в такой ситуации парадоксальным выглядит последовавшее спустя всего немногим меньше трёх месяцев требование Петра I руководствоваться в судах только Уложением и дополняющими, но не изменяющими его последующими указами.

Для Соборного уложения была свойственна своего рода нерасчленённость норм семейного и наследственного права. В этом отношении законодательство первой четверти XVIII в. также стало входить в противоречие с содержанием Уложения, поскольку, как отмечала Н.С. Нижник, именно в период правления Петра I «произошло усиление роли светского законодательства, с помощью которого император пытался устранить пробелы в существовавшем каноническом праве»[3, с. 190].

Так, ещё 3 апреля 1702 г. царский указ ввёл регулирование порядка обручения (за шесть недель до венчания) и разрешил - при определённых обстоятельствах - расторгать обручение[5, № 1907]. По сути, это был первый шаг в создании - в сравнении с Соборным уложением - светского брачного законодательства, предоставлявшего свободу выбора при заключении брака.

Определённые изменения были внесены и в имущественно-правовое положение жён, поскольку им в 1715 г. было разрешено «писать купчие и закладные» на недвижимое имущество[5, № 2952], что отразило тенденцию к предоставлению жене права свободно распоряжаться своим имуществом (это в известной мере явилось развитием соответствующих положений Указа об единонаследии).

Существенным новшеством стало и постановление Синода 1721 г., разрешившее православным вступать в брак с христианами других конфессий без перемены последними их веры[5, № 3798].

Будучи непосредственно вызвано сугубо прагматическими причинами (надеждой Петра I вовлечь пленных шведов в освоение Сибири), это решение стало ещё одним шагом в формировании светского семейно-брачного законодательства. Нельзя также не видеть в нём и средства решения новых проблем, отражавших создание Российской империи, сопровождаемое расширением иноконфессионального населения страны.

Таким образом, этими мерами, по сути, стало формироваться отдельное светское семейное право, также плохо совместимое с содержанием и структурой Уложения.

В меньшей степени расхождения с Соборным уложением затронули обязательственное право. Здесь можно говорить скорее о развитии и дополнении прежних положений, нежели о их существенном изменении.

Так, пожалуй, самый значительный акт, затрагивавший обязательственное право, указ 30 января 1701 г. «Об обряде совершения всякого рода крепостных актов» был направлен на подтверждение применения письменного договора как основы для возникновения обязательств, но несколько модифицировал сам порядок его заключения[5, № 1833].

Отмечая многочисленные злоупотребления, возникающие при существующем порядке («от приказных людей всенародная волокита и от того тягость»), указ устанавливал, что впредь «всякие крепости» надлежало заключать только в «палатке Ивановской площади» специально подобранными 24-м подъячими, подчинёнными Оружейной палате. Вместо прежних «послухов» в качестве свидетелей должны были уча-

ствовать при подписании договоров «люди добрые и знатные», подтверждалась обязательность подписей участников договора и их свидетелей. Из текста указа также вытекало, что государство признаёт законными - в случае осуществления в соответствие с устанавливаемыми правилами для сделок различной градации (т. н. «крепости первой, второй и третьей статей») - самые разные формы договоров: купли-продажи и заклада, обмена, служилой кабалы, ссуды, личного и имущественного найма.

Кодификационные усилия, предпринимавшиеся после смерти Петра I и до правления Екатерины II, отличались однообразием, заключавшимся в создании комиссий и отсутствии реальных результатов их работы, но в то же время и некоторыми новшествами в организации их деятельности.

Последняя петровская комиссия, видимо, действовала и при Екатерине I, но о её деятельности «не сохранилось никаких сведений»[5, с. 249].

Следовательно, суммируя анализ кодификационной работы при Петре I, нельзя не отметить следующих её характерных черт:

- во-первых, постоянное присутствие данной проблемы в поле внимания российских монархов и Сената;

- во-вторых, очевидную актуальность кодификационной потребности, в первую очередь, в силу трудностей, возникавших в судебной и управленческой практике;

- в-третьих, колебание власти между двумя возможными путями решения проблемы: дополнение Соборного уложения законами, отражающими происходящие в стране изменения, или создание нового Уложения, адекватного нынешнему состоянию общества (иначе говоря, колебание между сводом и кодексом).

Литература:

1. Богословский М.М. Палата об Уложении 1700-1703 гг. Ч. 1 / М.М. Богословский // Известия Академии наук СССР. VI серия. 1927. Т. 21. Вып. 7. С. 1347-1374.
2. Материалы для истории русского законодательства. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1865. Вып. 1. Палата об Уложении. 64 с.
3. Нижник Н.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в контексте эволюции государственно-правовой системы России (IX-XX вв.): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2003. 485 с.
4. Пахман С.В. История кодификации гражданского права: в 2 т. / С.В. Пахман. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1876. Т. 1. [2], 2, VI. 472 с.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. I-XL.
6. Шершеневич Г.Ф. История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Импер. ун-та, 1898. 128 с.

References:

1. Bogoslovskiy M.M. Chamber about the Council codes 1700-1703. P. 1 / M.M. Bogoslovskiy // Izvestiya Akademiyi nauk SSSR. VI series. 1927. V. 21. Issue 7. P. 1347-1374.
2. Materials for the history of the Russian legislation. StPetersb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyariyi, 1865. Vip. 1. Palata ob ulozheniyi. 64 p.
3. Nizhnik N.S. Legal regulation of marriage-family relations in the context of evolution of state-legal system of Russia (IX-XX cc.): Doctor's dissertation: 12.00.01. StPetersb., 2003. 485 p.
4. Pakhman S.V. History of codification of civil law: in 2 v. / S.V. Pakhman. StPetersb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyariyi, 1876. T. 1. [2], 2, VI. 472 p.
5. Complete collection of laws of the Russian empire since 1649. StPetersb.: Tip. II-go Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V. Kantselyariyi, 1830. T. 1-XL.
6. Shershenevitch G.F. History of codification of civil law in Russia. Kazan: Tip. Imper. Un-ta, 1898. 128 p.